

Алексей Максимович Горький

КЛАДБИЩЕ

В степном городе, где мне жилось очень скучно, всего лучше и красивее было кладбище, – я часто гулял на нем и однажды заснул в ложбине между двух могил, как в люльке, на густой и сочной, сладко пахучей траве.

Меня разбудили удары о землю близко моей головы; мягко отталкивая меня, земля вздрагивала, гудела, – я вскочил, сел, сон был крепок, и глаза, ослепленные его бездонной тьмою, не сразу поняли, в чем дело: в золотистом огне июньского солнца жутко качалось темное пятно, прильнув к серому кресту, а крест тихонько скрипел.

Потом – неприятно быстро – это сверкающее пятно приняло формы человека: держась рукою за крыло креста, стоял небольшой старичок, остролиций, с густым клочком серебряных волос под нижней губой и воинственно закрученными вверх толстыми белыми усами.

Вытянув руку в воздух и покачивая ею, он сосредоточенно бил каблуком в землю, искоса бросая на меня сухие взгляды темных глаз.

– Что такое?

– Змея, – ответил он барским баском и указал длинным пальцем с перстнем на нем под ноги себе: на узкой тропе, прикрытой травой, вздрагивал маленький ужик, судорожно поводя хвостом.

– Это – уж, – сказал я сердито.

Старик отшвырнул носком сапога тускло блестевший жгут, приподнял соломенную шляпу и, шагая твердо, пошел прочь.

– Благодарю вас, – сказал я; он, не оборачиваясь, отозвался:

– Если это – уж, тогда опасности не было...

И быстро исчез среди памятников.

Я взглянул в небо, – было около пяти часов.

Вдыхал над могилами степной ветер, тихонько покачивая стебли трав; в теплом воздухе плыл шёлковый шелест берез, лип, ольхи и густых кустарников. В летнем шорохе кладбища слышна покорная грусть, – она вызывает какие-то особенно прямые и честные мысли о жизни, о людях.

Покрыв тяжелым шатром зелени холмы, белый и серый камень памятников, вытертые снегом, вымытые дождями кресты и решетки оград, – богатая растительность скрывает близость чумазого города, осыпанного черноземной пылью, жирной как сажа, задерживает его мутный шум, пыль и злые запахи.

Шагаю по запутанным тропам среди бесчисленных могил; вижу сквозь просветы в зеленом пологие золоченый крест колокольни, высоко и серьезно поднятый в небо над всеми крестами могил. У подножий памятников в ризе кладбища пестреют скромные цветы, – над ними хлопотливо жужжат пчелы, осы; в молитвенный шорох трав победоносно вторгается песня жизни, не мешая думать о смерти. Бесшумно перепархивают темные птицы, их полет всегда застывает, вздрогнув, недоверчиво смотреть – птица ли?..

Всюду трепещет золотой огонь солнца, тесно заселенное кладбище как будто колышется, бугры могил напоминают море после бури, когда ветер упал и зеленая равнина его покрыта гладкими, без пены, волнами.

За оградой, в голубой пустоте, торчат, дымясь, трубы маслобоек и мыловаренных заводов, пятна крыш лежат разноцветными заплатами на темном рубище города, жмурятся на солнце всевидящие очи – слуховые окна чердаков. Сейчас же по ту сторону ограды лежит зеленая полоса скудного дерна, на нем качаются какие-то бедные, сухие стебли. Дальше – пожарище, черная полоса земли, усеянной грудями закопченного мусора, рассыпавшихся печей, серой золы, угольной пыли. В небо разинулись черные вонючие ямы сторовших погребов: мещане-домохозяева по ночам сливают в них – из экономии – содержимое выгребных ям. Из бурьяна торчат, лоснясь, большие головни, разноцветно блестит на солнце битое стекло неточно смеется. В двух местах этой черно-бурой площади, полукольцом обнявшей кладбище, прорезались, как два зуба, новые, желтые постройки, – маленькие, жалкие среди мусора – и густых зарослей лопуха, конского щавеля, свинцовой полыни.

Лениво бродят пестрые куры, похожие на торговков, а солидные рыжие петухи напоминают пожарных. В ямах подполий ютятся бездомные собаки с печальными глазами, в зарослях бурьяна чахлые, старые кошки подстерегают воровьев. Играют дети, – жалко видеть, как они прыгают по оскверненной земле и вдруг исчезают где-то в ее грязных морщинах.

А за пожарищем вытянулся длинный ряд дрянненьких, тесных домиков, они густо набиты скучными людьми, тупо и покорно вытаращили квадратные глаза на искрошенный, красный кирпич ограды кладбища и темную массу деревьев на нем. В одном из таких домиков я и живу, – моя крошечная конура пропитана запахом